

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кэтрин Манн

ПОХИТЬ МОЕ СЕРДЦЕ
ДВАЖДЫ

341

Содлази

 HARLEQUIN®

Кэтрин Манн

Похить мое сердце дважды

Серия «Соблазн – Harlequin», книга 341

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48797638

Похить мое сердце дважды: Центрполиграф; М.; 2020

ISBN 978-5-227-08918-2

Аннотация

Чак и Шана четыре года живут в законном браке. Чак много времени проводит на работе, и постепенно его чувства к жене теряют яркость. Неожиданная амнезия Шаны меняет жизнь супружеской пары. Теперь она не помнит, что Чак ее муж и что совсем недавно она собиралась с ним развестись... Сможет ли он вернуть семью, доказав жене свою истинную любовь?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кэтрин Манн

Похить мое сердце дважды

The Second Chance

© 2018 by Catherine Mann

«Похить мое сердце дважды»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Пролог

Шана когда-то думала, что Чак – любовь всей ее жизни. Она не сомневалась, что их брак будет длиться вечно. Но сегодня ей пришлось смириться с тем, что между ними все кончено. Чемодан на кровати был подтверждением этому.

Хотелось плакать, но слез не осталось. Она чуть не доплакалась до обезвоживания из-за этого человека. Теперь она просто хотела покоя. Шана рывком открыла ящик комода, вытащила стопку отглаженных футболок, бросила их в чемодан. За ними отправились джинсы, белье и носки.

Все это время Шана старалась не смотреть на своего красивого мужа – Чак собирал бритвенные принадлежности, – слишком легко ее можно было соблазнить щетиной на его подбородке или искушением запустить пальцы в его вечно растрепанные каштановые волосы. Чак Миккельсон был похож на родной штат Аляска, величественный и необузданный.

По деревянному полу слышались шаги его босых ног. Шана уловила свежий мускусный запах, такой родной и манящий, и сердце ее забило быстрее. Его аромат действовал на нее как наркотик. Сдерживая волнение, Шана обернулась – буря в зеленых глазах Чака транслировала молчаливый протест против ее требования, чтобы он съехал.

Но ведь она давала ему шанс за шансом. Чак был погло-

щен работой и не желал ничего менять. Длительное отсутствие мужа глубоко ранило ее. Со временем это уничтожило их любовь. Даже их брачный консультант выглядел подавленным в последний раз, когда они пришли к нему вместе.

Они должны были посещать его каждую неделю. Но Чак отменял встречи, ссылаясь на рабочие проблемы, – его стандартная причина пропущенных свиданий. Шана давно перестала верить ему. Доверие и так давалось ей сложно после того, как отец предал их с матерью. Она не думала, что вообще сможет доверять кому-либо после того, как узнала, что у отца есть вторая тайная семья.

Шана отогнала грустные мысли о прошлом и сосредоточилась на настоящем. Они наконец-то ждали ребенка. После неудачного лечения бесплодия и трех выкидышей Шана неожиданно забеременела. Очень неожиданно, так как их сексуальная жизнь была на грани, так же как и брак. Их общение было на рекордно низком уровне. Она собиралась рассказать о ребенке в кабинете брачного консультанта, но так как муж постоянно пропускал встречи, он все еще не знал об этом.

Сидя в одиночестве в кабинете консультанта в тот день, Шана поняла, что дальше так продолжаться не может. Для нее все было кончено. Она расскажет Чаку о ребенке, как только их расставание станет официальным. Шана не могла позволить себе еще один эмоциональный срыв, вредный для здоровья ребенка, но из-за постоянного стресса она сно-

ва была на грани.

Шана распахнула шкаф, обхватила руками четыре костюма Чака и сняла их с вешалки.

– Этого должно хватить тебе на первое время. Позже ты сможешь забрать остальные вещи.

Она швырнула дизайнерские костюмы в чемодан.

– Шана, прости, что я опять пропустил встречу. – Чак подошел слишком близко; его волосы были влажными после душа. – Ты должна понимать, что слияние бизнеса не происходит с девяти до пяти.

Отец Чака ушел из жизни три года тому назад, спустя год мать вышла замуж за Джека Стила, давнего конкурента «Миккельсон Ойл», владельца «Стил Ойл», и две семейные нефтяные компании были объединены в «Аляска Ойл Баронс». Процесс слияния был осложнен наличием многочисленных наследников с обеих сторон, желающих получить свой кусок власти, тогда как акционеры должны были видеть единство и сплоченность семей.

– И все же ты по-прежнему каждую ночь проводишь в кабинете.

В последние месяцы они виделись только за столом, впрочем, совместные ужины случались все реже. Они давно не проводили время, катаясь на снегоходах, не исследовали окрестности верхом на лошадях, не ездили в путешествия. И как бы ей ни хотелось верить Чаку, что это всего лишь работа и что скоро все изменится, она чувствовала, что ситуация

усугубляется.

– Я стараюсь изо всех сил, Шана. Дела пойдут лучше, когда слияние завершится.

– Ты постоянно это говоришь. – Она бросила в чемодан шелковые галстуки. – Обещаешь, что вот-вот станет легче, но сделка каждый раз откладывается. Я чувствую себя дурой из-за того, что поверила тебе.

– Черт побери, Шана, ты же видишь, как я стараюсь! – Чак провел рукой по волосам.

И о ребенке он ничего не знал.

Мысль о том, чтобы растить ребенка в одиночку, заставляла ее сердце болезненно сжиматься. Чак хотел бы быть частью жизни ребенка. Шана в этом не сомневалась, просто не была уверена, что муж будет уделять малышу достаточно времени. Ее способность доверять ему была подорвана.

Решимость ее усилилась, когда она встретила с ним глазами.

– Мне совершенно ясно, где твое сердце.

– Это несправедливо, Шана. Сейчас непростые времена. Если я ослаблю хватку, семья Стил может затмить нас в управлении компанией. Стилов намного больше, чем Микельсонов, – сказал он и опустился на край кровати.

Их кровати...

Почти четыре года назад они поженились и построили дом своей мечты в Анкоридже. Шана самостоятельно разработала дизайн интерьера их спальни, с любовью подбирала ме-

бель, текстиль и элементы декора в стиле прованс, в каждую деталь вкладывала романтическую надежду, что их счастье будет вечным. Они провели много часов в этой комнате – занимались любовью, строили планы, делились мечтами. Пока третий выкидыш не стал слишком тяжелым для них обоих.

– В таком случае не смею задерживать.

Шана с решительным щелчком закрыла его чемодан и резко развернулась.

Слишком резко. Комната закружилась, и она схватилась за спинку кровати, чтобы не упасть.

– Шана?

Она заморгала, чтобы прошли круги, танцующие перед глазами, подавила приступ тошноты от усиливающейся головной боли. Если бы Чак ушел, она могла бы лечь и отдышаться...

– Уходи, – с трудом выговорила Шана.

Почему он идет так медленно? Она видела, как Чак шевелит губами, но ничего не было слышно. Только не это!..

Комната накренилась, ее рука соскользнула с кровати и безвольно повисла...

Глава 1

Тридцать шесть часов спустя

До сегодняшнего дня у Чарльза «Чака» Миккельсона не было идей, как наладить свой брак. Но он не привык признавать поражения – ни в профессиональном, ни в личном плане.

У Шаны амнезия? Наверняка он неправильно расслышал невролога. У Чака внутри все перевернулось.

– Вы утверждаете, что моя жена дезориентирована? Не помнит такие вещи, как время или дата? Забыла, что ела на ужин?

Доктор Харрис, лечащий врач Шаны, сообщил, что в результате обследования была выявлена небольшая аневризма. Она оставалась без сознания в течение тридцати шести часов – самый длинный день в его жизни, – но в конце концов проснулась.

Узнав, что жизнь Шаны вне опасности, Чак спустился в кафетерий перекусить. Когда он вернулся, доктор Харрис пригласил его в свой кабинет, указал на одно из кресел. Другой доктор, давно наблюдавший Шану, стоял у окна. Снег падал крупными хлопьями, застилая землю белым полотном,

будто больничная стерильность была и снаружи, и внутри.

– Ваша жена дезориентирована, но дело не только в этом, – медленно пояснил доктор Харрис. – Шана потеряла память.

«Амнезия». Слово все еще рикошетило в мозгу Чака.

– Она не знает, кто она?

– Вообще-то она знает свое имя, постепенно вспоминает подробности о себе. Из памяти вашей жены стерлись события последних лет.

– Последних лет? – переспросил Чак, беспокойно поерзав.

– Если быть точнее – последних пяти лет.

Пять лет? Это означает, что...

– Она ничего не помнит обо мне.

В последнее время между ними все было не так гладко. О некоторых ситуациях он и сам предпочел бы забыть. Но мысль о потере воспоминаний о хороших временах... Немыслимо.

Доктор Гибсон отошел от окна и занял соседнее кресло. Он был молод, но считался лучшим специалистом по лечению бесплодия. Чаку было очень важно, что этот человек пришел, чтобы оценить состояние Шаны, хотя они и оставили попытки завести ребенка.

– Чак, к сожалению, она тебя не помнит, – сказал доктор Гибсон утешительным тоном, к которому он прибегал, когда Чак и Шана дважды потерпели неудачу в ЭКО, и в третий раз, когда случился выкидыш.

Это был удар под дых.

Два месяца назад доктор Гибсон принимал роды у Наоми, сводной сестры Чака, – все началось внезапно, и близнецы родились в машине по пути в госпиталь, – но благодаря профессионализму доктора все завершилось хорошо. Чак был рад за сестру, однако осознавать, что они с Шаной, возможно, никогда не испытают этого счастья, было горько.

– У нас были проблемы. Как вы думаете, эта потеря памяти скорее психологическая, чем физическая?

Чак винил себя в том, что у Шаны образовалась аневризма. Если бы они не ссорились, если бы из-за сильных переживаний у Шаны не поднималось давление, возможно, этого не случилось бы.

– Нет никаких сомнений, что у вашей жены была аневризма, и ей невероятно повезло, что она отделалась так легко. Но это не значит, что психологические аспекты не сыграли свою роль. Тело и разум работают в тандеме.

– Как мы будем действовать дальше? Что мы ей скажем и каков ее прогноз?

– Я понимаю, что вам нужны ответы, но еще слишком рано прогнозировать долгосрочную перспективу. На данный момент предлагаю вам отвечать на все ее вопросы, но не давать дополнительной информации, не раскрывать деталей. Ее память должна восстанавливаться самостоятельно, без подсказок, – предупредил доктор Харрис. – В дальнейшем вас будет консультировать психиатр.

Доктор Гибсон подался вперед.

– Давайте сосредоточимся на положительных моментах.

Шана пришла в себя и физически она в полном порядке. Сердцебиение ребенка сильное. Это повод для радости.

Чак нахмурился, уверенный, что неправильно понял. Гибсон, должно быть, путал пациентов после поздней смены.

Доктор Харрис выпрямился.

– Ребенок?

– Какой ребенок? – спросил Чак.

Шана не могла быть беременна. Только не сейчас. Это было бы слишком...

Брови доктора Гибсона взлетели вверх.

– Она не сказала вам о беременности?

Чак медленно покачал головой, ошеломленный, наполовину уверенный, что произошла ошибка.

– Шана ждет ребенка, – сказал Гибсон, не оставляя повода для сомнений. – Прошло уже два месяца. И, судя по твоей реакции, Чак, она тебе еще не сказала.

За последние полтора дня Чак прошел через ад. Когда в приемном покое спросили, может ли его супруга быть беременной, он ответил отрицательно. После выкидыша Шана не желала еще раз проходить процедуру ЭКО.

Теперь он понял, в чем дело. Шана забеременела естественным путем.

Реальность врезалась в Чака, как тонна кирпичей. Несмотря ни на что, им удалось зачать ребенка.

Он не чувствовал ничего, кроме изумления.

Взглянув на календарь на столе доктора Харриса, Чак вспомнил об их поездке на крещение приемной дочери его сестры Гленны. Вернувшись домой, они и сами задумались об усыновлении. Все это очень сблизило их, страсть вспыхнула с новой силой. Та неделя бросила вызов их шансам и принесла плоды.

Доктор Харрис снова открыл планшет и начал просматривать свои записи.

– К сожалению, мы не знали о беременности Шаны... Впрочем, ни одно из лекарств, которые она получила, не должно представлять риска для развития ребенка. Мы оставим Шану еще на одну ночь для наблюдения.

Доктор Гибсон сказал:

– Мы также сделаем ультразвук и начнем давать прогестерон, учитывая ее предыдущие выкидыши.

Чак кивнул, все еще не веря в случившееся. Ребенок. Шана была на втором месяце. Она знала и не сообщила ему об этом.

Хуже того, она выгнала его из дома, не сказав, что носит его ребенка. Шана, вероятно, понимала, что, рассказав о ребенке, она не смогла бы отделаться от него. Чак злился на нее, но сейчас не мог позволить себе такую роскошь, как гнев.

Доктор Гибсон наклонил голову и положил руку на плечо Чака.

– Я понимаю, вам сейчас нелегко. Вы оба так долго ждали этого ребенка, и это не те обстоятельства, которые кто-либо мог предвидеть. – Он показал на дверь. – Возможно, увидев тебя, она вспомнит.

В этом-то и заключалась проблема. Чак не хотел, чтобы Шана вспомнила. Потому что, если она вспомнит...

Шана уйдет и заберет их ребенка.

Шана приподнялась на больничной кровати, медленно и осторожно, чтобы убедиться, что комната не вращается, как в прошлый раз. Доктора, заходившие в палату, не могли или не желали отвечать на ее вопросы, а ей нужны были ответы. Рядом сидела медсестра – поправляла одеяло, давала глотнуть воды через соломинку, но разговаривать отказывалась. Телефон в палате отсутствовал, пульт от телевизора не работал. Ей был виден только снег, падающий на горы.

Шана коснулась головы, провела по волосам и прямо за ухом нащупала повязку. Ее заверили, что длинные волосы закроют выбритое место. Доктор сказал, что у нее была небольшая аневризма, а в остальном она вполне здорова.

Шана попыталась вспомнить, что случилось до того, как она попала в больницу. Последнее, что она помнила, – спор с матерью из-за ее отказа помириться с отцом. Эти мысли только усиливали головную боль.

Она знала, что нужно избегать переживаний. Об этом говорил ее опыт работы частным детективом и ее шестое чув-

СТВО.

Что-то происходило помимо того, что они ей сказали.

Повернувшись к медсестре, Шана спросила:

– Когда вернется доктор? У меня есть вопросы.

Оставаться в неведении было страшно. Ее воображение работало слишком активно, тревога не отпускала.

Как только медсестра открыла рот, чтобы ответить, раздался стук, и дверь открылась. Мужчина кивнул медсестре, и та вышла. Это был не тот доктор, который осматривал ее, когда она проснулась. И хотя за последние полчаса через ее палату прошла целая толпа сотрудников, она бы запомнила этого парня. У него было незабываемое лицо, как у кинозвезды, – красивое и brutальное. Его светло-каштановые волосы были достаточно длинными, чтобы запустить в них пальцы, притянуть к себе и...

От мысли о поцелуе с незнакомцем Шана смутилась, на щеках проступил румянец.

Но кто же он? Доктор? Не похоже. Белый халат отсутствовал. На парне были джинсы и футболка с длинными рукавами. Его зеленые глаза удерживали ее внимание.

– Я ценю, что вы все так тщательно меня оберегаете, но мне нужно связаться с матерью. Я просто хочу позвонить ей, но никто не дает мне телефон.

Или пульт дистанционного управления. Или зеркало. Или ответы.

Ладно, это было очень странно.

– Твоя мать уже в пути. Она должна быть здесь завтра. – Парень подошел ближе, положил большие руки на поручни кровати.

Прежде чем попытаться встать, Шана посмотрела на его безымянный палец и увидела... обручальное кольцо.

Разочарование охладило ее влечение. Она должна быть сосредоточена на более серьезных вещах, а не на этом сексуальном незнакомце.

– Вы мой доктор? – Шана остановилась на разумном вопросе, еще тысяча неразумных промелькнула в ее затуманенном мозгу.

– Тебе нужно отдохнуть, – уклончиво сказал он. – Ты через многое прошла. Твое тело нуждается в подзарядке.

– Так вы доктор? – Шана приложила палец к виску. – Не могу вспомнить. Когда я проснулась, в комнате было так много людей.

– Я не твой доктор.

Шану охватила нервная дрожь.

– Напомните мне, кто вы?

– Меня зовут Чак, и я сейчас позову доктора. – Он отступил на шаг назад.

Все сложнее, чем она думала.

– Чак, скажите... Скажи мне... Те люди осматривали меня и задавали вопросы, но никто не отвечал на мои. – Шана ощутила приступ паники. – Скажи мне, что происходит, или дай телефон поговорить с мамой. Почему его прячут от

меня?

– Твоя мать скоро будет здесь. – Чак поднял руку в успокаивающем жесте, от которого становилось только хуже. – Она вне доступа, в пути.

Глубоко в животе образовалась яма. Стены обрушились на нее.

Все было не так, как казалось!

Это место начинало походить на тюрьму, правда, отдельная палата, полная высокотехнологичного оборудования и живых цветов, была слишком шикарной для заключения. Ей нужно было привести свои мысли в порядок, позвонить маме, узнать у босса о ее делах и предстоящем судебном процессе, в котором она будет давать показания.

– Значит, тебе придется рассказать мне обо всем, потому что лежать здесь в неведении меня напрягает.

Шана высунула ноги из-под простыни, намереваясь встать. Комната закружилась. Чак бросился вперед и подхватил ее под локоть. Его прикосновение одновременно и успокаивало, и тревожило.

Ее взгляд вернулся к сверкающему обручальному кольцу. От искры осознания ей стало плохо. Женатые мошенники были самыми худшими. Обман отца едва не разрушил ее жизнь.

Комната снова начала вращаться.

Что-то здесь было не так. Очень неправильно...

– Мне нужно знать, что происходит, и, если ты не скажешь

мне, – Шана потянулась к кнопке вызова, – я найду того, кто скажет.

Чак отпустил ее руку.

– Хорошо, мы поговорим. Я честно отвечу на любой вопрос.

В голове Шаны сработала сигнализация. Когда люди говорят такие слова, как «честно» или «правдиво», это обычно означает, что им есть что скрывать.

– Я хочу знать, почему все вокруг меня ведут себя так странно.

– Аневризма повлияла на твою память, – сказал Чак медленно и осторожно.

Ее память? Тяжесть этого слова сильно ударила ее.

– Как повлияла?

– Ты забыла последние пять лет.

Слова Чака врезались в мозг, запустив карусель в ее голове.

– Пять лет? И мы знаем друг друга?

По мере того, как ее мир закручивался спиралью, нашелся логический ответ – отсутствие у него медицинского халата... и обручальное кольцо.

Лицо Чака помрачнело. Он положил руки ей на плечи, не отводя взгляда.

– Мы больше не знаем друг друга. Я твой муж.

Выражение ужаса на лице Шаны было чертовски оскорбительным. Она посмотрела на его обручальное кольцо, затем

снова в его глаза. Цвет сошел с ее и без того бледного лица. Она безвольно опустилась на больничную койку, ее светлые волосы разметались по подушке.

Чак хотел защитить ее, найти способ решить их проблемы. Не то чтобы ему это особенно удавалось. Ему нужно забыть о своих чувствах и сосредоточиться на ней. Сосредоточиться на том, чтобы сохранить ее спокойствие – и сократить разрыв между ними.

Шана показала свой голый безымянный палец.

– Мы женаты?

– Почти четыре года. Твои драгоценности были сняты, когда тебя госпитализировали.

Чак провел пальцами по щеке Шаны. Его и сейчас влекло к ней. Даже в больничной рубашке она была прекрасна.

– Ты – мой муж? Я... Почему?.. Как это случилось? Это ужасно!..

– Понимаю, это тяжело принять сразу.

Чак придвинул стул ближе, сел, взял ее руки в свои.

– Врач сказал, что потеря памяти может быть временной.

– Или это может быть навсегда. – Шана не отстранилась, но смущенно посмотрела на их сцепленные руки. – Как давно мы знаем друг друга?

Взгляд ее прекрасных голубых глаз пронзил Чака ледяным огнем – она видела его насквозь, как рентгеновский аппарат. Он кивнул, прочищая горло. Чак был полон решимости предоставить объективные факты. Чтобы не сделать все

еще хуже.

– Мы познакомились почти пять лет назад. – Он внимательно наблюдал за ней, чтобы оценить ее реакцию. Он чувствовал, что знает ее очень хорошо, но все же не совсем. Вопросы наводнили его разум слишком большим количеством потенциальных вариантов будущего, чтобы понять их сразу.

– Значит, я помню только то, что было до нашей встречи? – медленно сказала Шана, и глаза ее наполнились подозрением.

Она была слишком проницательна. Похоже, ее навыки частного детектива не были забыты.

– Похоже на то, – сказал он, чувствуя себя как на минном поле. – Я не жду, что ты поверишь мне на слово. Поговори с моей семьей, поговори со своей матерью. Все, что угодно, чтобы ты была спокойна.

– У тебя есть родственники поблизости?

– Есть. У нас большая семья. Моя мать и почти все мои братья и сестры живут в Анкоридже, за исключением моего брата, который живет в Джуно. – Чак делился подробностями, не сводя с нее глаз, пытался по взгляду Шаны определить, возвращается ли к ней память. Амнезия могла исчезнуть в любой момент, и она снова пошлет его. – Моя мать недавно вышла замуж, а ее новый муж имеет еще большую семью, почти все они живут здесь, в Анкоридже.

– Большая семья – это благословение. – Ее голубые глаза сияли болью, которую он узнал.

Шана в подростковом возрасте испытала сильное потрясение, узнав о второй семье своего отца. Выяснилось, у нее было три сводных брата и сестры, которых она никогда не встречала. Предательство отца так глубоко ранило Шану, что она разучилась доверять людям. Чак знал, что ему нужно помнить об этом сейчас больше, чем когда-либо. Если он ошибется, все может пойти совсем не так, как он хочет.

Но он не мог отпустить ее, особенно сейчас. Он сделает все необходимое, чтобы защитить Шану и их ребенка.

Было время, когда они планировали завести по крайней мере четверых детей. Но у судьбы был для них другой план.

– Учитывая, что моя семья и семья нового мужа мамы были конкурентами, а точнее, врагами на протяжении десятилетий, мы не были уверены, что это хорошая идея. Объединение семей – непростая задача.

– Значит, мы с тобой счастливы в браке?

Это был сложный вопрос.

– У нас были проблемы, как и у любой другой пары...

Последнее, о чем он хотел бы рассказать, была их ссора прямо перед ее аневризмой. Чак с содроганием вспомнил, как Шана заявила, что между ними все кончено, побросала его одежду в чемодан и потребовала, чтобы он ушел. Но доктор сказал отвечать честно.

– Мы проходили лечение бесплодия, и это наложило отпечаток на наши отношения.

– Мы хотели ребенка?

– Мы и сейчас хотим этого.

Чак очень хотел быть полноправным отцом своему ребенку. Если беременность пройдет хорошо, Чак сделает все, что в его силах, чтобы быть рядом со своим ребенком.

– Ты должен понять, что я потрясена всем этим. – Шана провела по своим длинным медовым волосам, ее пальцы задержались над ухом там, где была повязка. – Амнезия? Я много раз слышала об этом, но никогда не думала, что это может случиться со мной.

– Конечно. Это непросто. Не торопись. Я здесь, я сделаю все, что нужно, и я никуда не уйду.

– Спасибо... – Шана нахмурилась, вспоминая его имя.

– Чарльз, – напомнил он ей, – но все зовут меня Чаком.

– Как я тебя называла?

Во время их последнего разговора Шана называла его не самыми лестными именами, но сейчас лучше об этом не напоминать.

– Ты называла меня Чаком.

– Спасибо тебе, Чак.

Оттого, как она произнесла его имя, у Чака потеплело на сердце.

В дверь постучали.

– Привет.

В палату нерешительно вошла младшая из сестер Чака, Алайна, самая робкая и застенчивая из их семейства. В детстве Алайна была такой же разговорчивой, как и другие де-

ти, но потом изменилась. Стала скрытной и замкнутой. Велеть ей уйти – все равно что оторвать крылья у бабочки.

Чак хотел держать свою семью подальше от Шаны еще какое-то время, пока она не окрепнет, но общение с Алайной ей точно не навредит. Тихая и незаметная, как невидимка, Алайна, вероятно, нашла способ проскользнуть мимо сотрудников больницы. Чак попросил никого не впускать в палату жены без его ведома, но прогнать сестренку он не мог.

Девушка бросилась к кровати Шаны и нежно обняла ее.

– Слава богу, ты проснулась! Я так волновалась!

Шана уставилась на сестру широко раскрытыми от удивления глазами.

– Здравствуйте, спасибо.

Отступив на шаг, Алайна опустилась на стул.

– Это такое облегчение, что ты проснулась, здорова и ребенок в порядке. Это просто чудо!

Как, черт возьми, она узнала? И, черт возьми, ему нужно срочно что-то придумать, прежде чем...

На лице Шаны отразилось изумление.

– Ребенок?!

Глава 2

Ребенок?!

Паника и замешательство охватили Шану, голос девушки все еще звенел в ее ушах. У нее, оказывается, есть не только муж, но и ребенок? Рука скользнула к плоскому животу. Наверняка здесь какая-то ошибка.

Если только они не имели в виду ребенка, который уже родился.

– У нас есть ребенок? – спросила Шана; ее голова шла кругом. – Сколько лет? Ты говоришь, что ребенок в порядке. Что-то случилось, когда у меня была аневризма? Я была за рулем?..

– Ничего подобного. – Чак искоса посмотрел на сестру, которая казалась еще более смущенной.

– Я не понимаю... – проговорила Алайна, едва сдерживая слезы.

Чак положил руку девушке на плечо.

– Шана, я планировал рассказать об этом немного позже. Ты на восьмой неделе беременности.

Шана сделала глубокий вдох и замерла, не в силах выдохнуть. У нее звенело в ушах. Она едва могла оправиться от этого последнего шока.

– Я... Я не знаю, что сказать, – наконец проговорила она. Алайна нервно теребила край свитера, на глазах выступи-

ли слезы.

– Прости меня. Я не хотела... Ну, мне просто очень жаль.

Чак обнял ее за плечи, желая утешить, хотя в его глазах отражалось разочарование.

– Милая, познакомься с Алайной, моей сестрой. – Он повернулся к девушке: – Алайна, Шана страдает временной амнезией и забыла о последних пяти годах. Ты не могла этого знать. Хотя мне чертовски любопытно, как ты узнала о беременности.

Алайна кусала свои и без того короткие ногти.

– Я подумала... О боже! Извини. Я проходила мимо сестринского поста и подслушала, как они говорили об этом. Мне очень жаль...

Чак натянуто улыбнулся.

– Все будет хорошо, сестренка. У Шаны просто пробелы в памяти. Все будет в порядке.

Хотела бы Шана также быть уверена в этом. Она думала о том, чтобы когда-нибудь стать матерью, но это было слишком быстро. Еще час назад она была бесконечно одинока, и тут выясняется, что у нее есть муж, куча родственников, и вскоре появится ребенок!.. События развивались с поистине головокружительной скоростью.

Отец разрушил жизнь ее матери. Шана всегда знала, что, когда придет ее время обзавестись семьей, решение нужно будет принимать неспешно и с большой осмотрительностью. Если они с Чаком пытались завести ребенка, значит, их брак

был прочным.

Так почему же она не почувствовала всепоглощающей любви к этому человеку. Если он тот самый – единственный и неповторимый, – она должна была испытать что-то вроде любви с первого взгляда, чувство подобное удару молнии. Да, она почувствовала влечение к нему, но не любовь...

– Шана, мне очень жаль, что я сбила тебя с толку и все так усложнила.

Алайна выскользнула из-под руки брата и развернулась к двери.

– Мне лучше уйти. Надеюсь, мы сможем поговорить в другой раз, когда все будет менее... ну... запутанным. Мне очень жаль.

– Все в порядке.

Вернее, она надеялась, что так и будет. Шана тяжело выдохнула, не зная, что она чувствует. Непросто вынашивать ребенка, которого не могла вспомнить.

– Я действительно очень сожалею. – Алайна попятилась к двери. – Я люблю тебя, Шана.

Чак жестом остановил Алайну.

– Если бы ты принесла мне кофе, я был бы очень признателен. – Он вытащил двадцатку из бумажника. – Купи себе тоже что-нибудь. Спасибо, малыш.

Как только дверь закрылась, Шана приподнялась на кровати и расправила плечи – спина начинала побаливать от долгого лежания.

Чак потер затылок, разочарование появилось в его глазах.

– Я прошу прощения за то, что не справляюсь с ситуацией.

– Как ты мог такое предвидеть? Никто не мог.

– Ты великодушна. – Чак откинулся на спинку стула у ее кровати.

– Итак, у меня есть несколько вопросов. – Мысли о предстоящем разговоре вызвали у Шаны новую волну паники, но оставаться в неведении было невыносимо. – Ребенок ведь твой, верно?

– Совершенно верно, – ответил Чак без колебаний. – Ребенок мой. Других детей у нас нет, – добавил он, предупреждая ее вопрос.

Шана даже не думала об этом. Но что еще она не знает? Пять лет – это огромный промежуток времени, за который жизнь может кардинально поменяться.

– Ты сказал, что мы боролись с бесплодием. – Шана посмотрела на свои руки, увидела след от кольца на безымянном пальце. – Просто так много нужно узнать о том, что произошло за последние пять лет.

Ее мозг был перегружен, взвешивая каждую крупицу информации, прежде чем она поверила последнему откровению. Даже люди с благими намерениями имеют корыстные интересы. И она также знала, как легко человек может быть введен в заблуждение кем-то, умеющим врать. Отец преподавал ей этот урок слишком болезненно.

– Тогда мы не будем сегодня тебя перегружать. – Чак на-

крыл ее руку своей и крепко сжал. – Я бы чувствовал себя более комфортно, если бы мы позвали врачей и позволили им осмотреть тебя и получили четкие рекомендации.

Его прикосновение было... знакомым. Сильное, но осторожное.

Шана не могла отрицать справедливость его слов.

– Я просто хочу знать еще кое-что.

Чак улыбнулся.

О да, она видела эту улыбку или вспомнила, что видела. Когда Чак улыбался, его глаза сияли.

– Разве я могу отказать тебе?

Шана не могла не улыбнуться в ответ.

– Очевидно, ты меня хорошо знаешь. Лучше, чем я знаю себя в данный момент, что и подводит меня к моему вопросу: какая у меня фамилия? Вернее, какая у нас фамилия? Или я сохранила девичью фамилию?

Улыбка исчезла с лица Чака, он сжал ее руку.

– Ты взяла мою фамилию. Миккельсон. Удивление охватило ее.

– Как в нефтяной семье Миккельсон?

– Да, – кивнул Чак. – Мы – те самые Миккельсоны.

В нем появилась настороженность, которую Шана не могла понять. Тем не менее все для нее сейчас имело смысл.

– Неудивительно, что у меня отдельная палата. Твои родители владеют «Миккельсон Ойл». – Шана прижала пальцы к вискам, чтобы унять подступающую головную боль.

– Это больше не «Миккельсон Ойл». Мой отец умер почти три года назад. Мать недавно вышла замуж за главу «Стил Ойл» Джека Стила. Сейчас компании объединяются в концерн «Аляска Ойл Баронс».

Для этой вроде бы хорошей новости он не выглядел счастливым.

– Мне жаль, что твоего отца больше нет. – Шана сжала его руку, и легкая дрожь, словно электрический разряд, прошла между ними.

Его большой палец гладил внутреннюю сторону ее запястья.

– Спасибо. Отец был привязан к тебе.

– Жаль, что я этого не помню.

– Мне тоже.

Память не возвращалась, сведения о забытых пяти годах ее жизни сыпались сверху, как метеоритный дождь. Красиво... но Шана боялась обжечься.

Дверь снова открылась.

– Добрый день, Шана. Я – доктор Гибсон.

Чак откашлялся и отступил назад.

– Доктор Гибсон – твой акушер-гинеколог.

Доктор вкатил в палату какой-то аппарат, за ним следовала медсестра.

– Я слышал, вы двое собирались поговорить.

Чак кивнул.

– Я сказал Шане, что я ее муж. Она знает о ребенке.

– Как ты себя чувствуешь? – Гибсон остановился у ее кровати.

– Подавленной. Немного одурманенной. В голове путаница.

– Это понятно, – сказал доктор с пониманием.

– Медсестра измерит тебе давление, а затем мы сделаем ультразвук. – Заметив, что Шана поежилась и натянула одеяло до подбородка, доктор добавил: – Мы не торопимся, скажи, когда будешь готова.

Сердце Шаны тревожно сжалось. Все происходило так быстро, хотелось поставить ситуацию «на паузу». Но жизнь так не работала. Она должна была смотреть в лицо настоящему.

– Нет необходимости ждать. Я хочу знать столько, сколько смогу.

– Спрашивай обо всем, что тебе интересно, и я постараюсь ответить, – сказал доктор Гибсон. – Ты не против, если мистер Миккельсон останется в палате? Я понимаю, что это довольно необычные обстоятельства.

Шана посмотрела на Чака. Он ее муж. Все это знают. И это его ребенок. Он имеет право быть здесь. Прошедший день, должно быть, был адским для него из-за страха за нее и их ребенка.

– Конечно, он может остаться.

– Спасибо тебе.

Чак взял ее руку в свою. Прикосновение было сильным и

уверенным.

Ее первоочередной задачей сейчас было узнать, кто она такая. Шана не могла позволить себе ослабить бдительность перед единственным мужчиной, которому она могла бы доверить свою жизнь.

На следующее утро, когда Чак забирал Шану из больницы, он все еще не мог прийти в себя после УЗИ. Выйдя из больницы, он полной грудью вдохнул свежего морозного воздуха, рядом санитар катил кресло с укутанной в теплые вещи Шаной. Снега после вчерашнего снегопада стало еще больше, по дороге катили снегоуборочные машины.

Личный водитель открыл пассажирскую дверь. Чак подал руку жене. Своей беременной жене.

После УЗИ исчезли последние сомнения, что Шана беременна. В это безумное время в его жизни появился ребенок и второй шанс в отношениях с любимой, и он не хотел его упускать.

В детстве он мечтал об идеальном браке, как у его родителей. Этого не случилось. Но Чак никогда ни в чем не знал поражений. Он не хотел, чтобы его брак распался, и не был готов признавать поражение. Это означало, что он должен использовать это время, чтобы завоевать свою жену.

Шана провела большую часть пути домой в состоянии шока, смешанного с осторожной надеждой, что дома, в родных стенах, ее память восстановится.

Улицы, по которым они ехали, казались Шане смутно знакомыми, но в голове у нее все кружилось. Ее память об улицах Анкориджа устарела на пять лет.

Пять лет.

Такое значительное количество времени. Шана попыталась вспомнить, вернее, представить, какой была ее свадьба. Где они с Чаком связали себя узами брака. Интересно, кто ее лучший друг?

Но воспоминания не спешили пробуждаться в ее сознании. Они были погребены под нагромождением вопросов, на которые она пока не получила ответы.

Подъезжая к дому, Шана ощутила волнение. Этот дом она делила с Чаком, наследником нефтяной империи и чертовски сексуальным мужчиной. Чак сказал, что ее мать из аэропорта поедет прямо к ним домой. Ее рейс немного задержали.

Автоматические ворота распахнулись, открывая вид на двухэтажный особняк, выстроенный во французском стиле прованс, – стены из беленого кирпича, черепичная крыша, деревянные ставни на окнах, просторная терраса. Красиво, но незнакомо...

Шана выросла в небольшом кирпичном доме в стиле ранчо. Мать работала медсестрой на расположенной поблизости военно-воздушной базе. Отец часто жаловался, что ему не хватает денег. Родители постоянно ссорились. Мама сердилась из-за того, что у отца были проблемы с алкоголем.

Кроме того, семейный бюджет страдал из-за его пристрастия к азартным играм. Нередко причиной скандала становились другие женщины. Насколько Шана знала, возможности содержать вторую семью у отца не было. Кто бы мог такое заподозрить?

Довериться Чаку было непросто, но сейчас Шана была не в том положении, чтобы уйти. Она даже не знала, кто она. Она хотела дать своему ребенку шанс на полную семью.

Шана стряхнула с себя прошлое, не желая, чтобы отец продолжал влиять на ее жизнь. Он не заслуживал даже мимолетной мысли.

Чтобы отвлечься от горьких воспоминаний, Шана сосредоточилась на доме, где, по словам Чака, прожила почти четыре года. Узнает ли она его?

Участок на первый взгляд был не меньше пяти акров. Границы владений терялись в сосновом лесу, над ним в отдалении возвышался величественный горный хребет. Кроме дома, на территории были несколько хозяйственных построек в таком же стиле и гараж на пять машин.

Вдоль подъездной дорожки выстроились дорогие автомобили, запорошенные снегом. Итак, семья Чака здесь – ожидает ее прибытия.

Шану охватила новая волна беспокойства. Интересно, как они примут ее? Впрочем, они давно с ней знакомы, а вот она о них ничего не знает. Оставалось надеяться, что она почувствует себя увереннее, когда окажется в знакомой обстановке.

ке, среди любимых вещей. Современный французский стиль прованс всегда нравился ей. Многообещающее предзнаменование.

– Мы нанимали специалиста по интерьерам или подбирали мебель и предметы декора самостоятельно?

– Мы выбрали произведения искусства вместе, но остальное – это все ты. – Чак обогнул замерзший пруд и подъехал к дому. – Разрабатывая дизайн, ты учла мои пожелания. Например, у меня были оленьи рога с охоты с отцом, которые я хотел сохранить, и ты нашла им применение.

– Какое?

Чак припарковался.

– Ты встретила их в люстру со свечами и повесила над обеденным столом. Это большая дань уважения моему отцу.

Шана уловила ностальгические нотки в его тоне.

– Жаль, что я не помню, как мы с ним познакомились...

Там, где должны были храниться самые яркие воспоминания, зияла пустота.

Чак горько вздохнул, развернулся, убрал прядь волос с ее лица.

– Потерять его было тяжело для всех нас. И для тебя тоже.

Ее рука потянулась к подбородку Чака – Шана позволила себе погладить его щетину под видом утешения. Она давно хотела это сделать.

– Тебя называли в его честь.

– Ты помнишь? – Чак резко поднял голову. Его взгляд за-

ставил щеки Шаны вспыхнуть.

– Я не уверена. Это скорее предположение.

Настороженность в глазах Чака свидетельствовала о том, что он предпочел бы, чтобы она не помнила. Шана вздрогнула и убрала руку.

– Понятия не имею, кому принадлежит каждая из этих машин.

Чак указал на первую машину.

– Эта принадлежит моей матери. Она хотела навестить тебя в больнице, но я посчитал, что не стоит перегружать тебя новыми лицами.

Это правда? А может, семья Чака не любит ее, и поэтому в больницу пришла только его младшая сестра...

В любом случае он был прав, держа их подальше от больницы, потому что память о последних пяти годах все еще не возвращалась. У дверей Шана начала паниковать – она ничего не знает о людях, которые ожидают ее там. Возможно, их визит не был такой уж хорошей идеей. Но теперь было слишком поздно давать задний ход.

Массивная дверь распахнулась. Шана вошла и увидела множество незнакомых лиц. Все эти люди – мужчины, женщины, дети – приветствовали ее. Когда Чак сказал, что у него большая семья, она не вполне поняла, что это значит.

На пороге их встретила высокая блондинка с ребенком на руках, ее улыбка была теплой и приветливой. Диван и кресла в просторной гостиной были заняты незнакомцами, когда

Шана вошла, они поднялись со своих мест – пожимали ей руки, улыбались, говорили, как рады видеть ее. Эти люди, казалось, искренне беспокоятся о ней, но среди них она чувствовала себя чужой. Чак называл имена, но голова отказывалась воспринимать эту информацию.

Пытаясь преодолеть надвигающийся приступ головной боли, Шана сосредоточилась на внутреннем убранстве гостиной, попыталась представить, как выбирала мебель с этим мужчиной.

Заметив, что Шана смущена пристальным вниманием родни, Чак подал ей руку и отвел в столовую. Шана окинула взглядом длинный деревянный стол, окруженный восемью стульями. Стол, накрытый на двоих, украшали букеты свежих цветов и высокие свечи в изящных подсвечниках. Привычку красиво накрывать стол и в будни и в праздники Шана унаследовала от матери. Она была рада, что традиции ее семьи прижились в этом доме.

Это воспоминание вернуло Шане уверенность и придало сил для нового знакомства с родственниками мужа. Мать Чака, Джинни, была главой клана Миккельсон; помимо Чака у нее были еще один сын и две дочери. Джек Стил, новый муж Джинни, имел пятерых взрослых детей, троих сыновей и двух дочерей. Его старший сын, Бродерик, был женат на Гленне, старшей сестре Чака, той самой, что встретила их у дверей с прелестной малышкой на руках. Старшая дочь Джека, Наоми, вышла замуж за ученого, у них были девоч-

ки-близнецы.

Сердце Шаны сжалось при виде малышей. Они напомнили ей о ребенке, о котором она только что узнала, но которого уже полюбила всем сердцем. Где-то в глубине памяти шевельнулось воспоминание – когда-то она слышала, что Джек потерял жену и еще одну дочь в авиакатастрофе. Это произошло более десяти лет назад, Стиллы были известной семьей, и эта трагедия была у всех на слуху в их штате.

– Очень мило, что вы все пришли поприветствовать меня.

Шана опустилась на один из стульев в гостиной, Чак стоял рядом. Присутствие мужа, прикосновение его руки к плечу приободрили ее. От него исходили волны уверенности и спокойствия, ей было хорошо рядом с ним, между ними, несомненно, существовало притяжение. Но прикосновение не могло унять ее разочарования – даже увидев в столовой ту самую люстру, увенчанную оленьими рогами, она не смогла вспомнить связанную с нею историю. Все, что было у Шаны, – это пересказ воспоминаний, которыми Чак поделился с ней.

Будто почувствовав ее переживания, Чак сжал плечо Шаны.

На лице Джинни появилась теплая улыбка.

– Судя по всему, Чак считает, что мы утомляем тебя. Пойми, мы здесь из лучших побуждений – когда мы услышали, что рейс твоей матери задержали, мы решили не бросать вас одних. Мы здесь только для того, чтобы поприветствовать

тебя и принести вам еду, а теперь нам пора уезжать.

– Вы надеялись, что встреча с вами вернет мне память, – проговорила Шана. – Жаль, но это не так. Возможно, я никогда не вспомню. Но спасибо, что попытались...

Шана тяжело сглотнула и откинулась на спинку стула. Теперь она не сомневалась, что визит Миккельсонов и Стилов продиктован участием и любовью к ней. Отчего-то осознание этого причиняло ей боль.

– Я просто рада, что ты жива и здорова, – сказала Джинни. – И знай, что мы все в любой момент на связи, готовы ответить на любые твои вопросы.

– Я вам очень признательна. Пожалуйста, останьтесь на ужин.

Шана прикусила губу, желая, чтобы эта встреча каким-то чудесным образом избавила ее от амнезии.

Несмотря на теплый прием семьи Чака, Шана все еще не могла избавиться от беспокойного чувства. Она не могла перестать искать причину, почему она была так уверена, что в этом раю есть проблемы.

Глава 3

Чак прислонился к дверному косяку, глядя на горный хребет, исчезающий в темноте. Свет от машины сестры ослепил его на мгновение, когда та сдавала задним ходом. Он все еще не был уверен, каким будет результат последних нескольких часов.

Запустив пятерню в густые волосы, Чак потянулся. Вечер был похож на акробатический этюд на минном поле – приходилось обходить то одну мину, то другую. Он беспокоился о том, что может рассказать его семья. Чак оценил их заботу, и Шана настояла на том, чтобы все они остались на ужин, – она надеялась, что общение с ними разрушит плотину и освободит ее воспоминания. Тем больше у него было причин вытолкать их за дверь. Если бы только ему удалось отговорить Шану от приглашения. Но это могло вызвать у нее подозрения и беспокойство. А он, как никогда, нуждался в ее спокойствии. Ему нужно было выиграть время, чтобы наладить нормальные отношения и не дать ей уйти.

По крайней мере, его семья была достаточно тактична, чтобы не упоминать о семейных проблемах. Мать вытащила фотоальбомы, в том числе свадебный, в попытке помочь Шане вернуть память, но ни одна фотография не пробудила в ней ни одного воспоминания. Все это вызвало у него раздражение и, как ни странно, облегчение.

Чак провел рукой по подбородку, проходя мимо уже убранной столовой. Он нанял дополнительный персонал на время выздоровления Шаны. Несмотря на то что у них теперь был личный повар, его семья оставила достаточно еды, чтобы накормить целую армию. Хотя все они ели до тех пор, пока не сгорели свечи в серебряных канделябрах.

Он был благодарен семье за то, что они попытались помочь спасти его брак. Их присутствие создавало счастливую семейную атмосферу, которую он должен был продемонстрировать своей жене.

Пройдя несколько шагов по коридору, он обнаружил Шану в кабинете с книгой в руках – волосы распущены, длинные ноги перекинuty через подлокотник дивана, на кофейном столике кружка горячего какао, в камине горит огонь. В прошлом он нередко находил ее здесь. В первые годы их брака Чак, не задумываясь, присоединился бы к ней. Скользя руками по ее прекрасным ногам, начал бы снимать с нее одежду, позволяя ей раздевать себя, и отблески огня сияли бы на их обнаженных телах.

Когда-то он думал, что у них есть будущее. Теперь... Теперь он должен был убедиться, что в ее будущем – и будущем его ребенка – найдется место для него.

Возможно, он сможет немного расслабиться с ней в этой комнате, в месте, где они были счастливы. Так часто они проводили время вместе в кабинете, пока он работал дома. Даже год назад они были еще достаточно близки, чтобы она могла

отвлечь его от работы с помощью массажа шеи или импровизированного танца, когда из динамиков стереосистемы раздавалась ее любимая песня. Чак надеялся, что эти моменты когда-нибудь повторятся.

Что бы ни происходило между ними в последнее время, он все еще желал ее.

Чак опустил на одно колено возле дивана.

– Как ты себя чувствуешь?

– Измучена, но я ценю твою заботу. – Шана прикусила губу, прежде чем продолжить. – Я надеялась, что встреча с твоей семьей вызовет воспоминания, но... не повезло.

Чувство вины давило, но для них было бы лучше, если она вспомнила обо всем не сразу.

Или никогда.

– Шана, я понимаю, что тебе должно быть неловко...

Прошло много времени с тех пор, как они разговаривали с такой легкостью.

– Это еще мягко сказано.

Глаза Шаны на мгновение задержались на Чаке, прежде чем она убрала руку. Она осмотрела комнату, ее взгляд не задерживался надолго ни на одном месте. Чак проследил за ее взглядом, блуждающим по книжным полкам. Эти полки были одной из вещей, которые она любила больше всего в их доме. Чак вспомнил, как жена радовалась, когда им удалось найти передвижную лестницу, с помощью которой можно было добраться до верхних полок. Больше кабинета Шана

любила, пожалуй, только оранжерею.

На ее лице не было никаких признаков воспоминаний.

– Я хочу, чтобы ты знала, что я буду спать в комнате для гостей.

– Спасибо. Я понимаю, что тебе тоже тяжело.

– Это еще мягко сказано. – Чак повторил ее слова, вкладывая в них свой смысл. – Но я знаю, что тебе гораздо хуже. Я хочу, чтобы ты не торопилась, заботься о себе и ребенке.

– Спасибо за понимание.

Чак знал, что Шане требуется личное пространство, чтобы прийти в себя, но боялся, что она еще больше отдалится от него. Воспоминания, которые она так желала вернуть, для него были бомбой замедленного действия, способной рвануть в любой момент.

Но сейчас между ними наступил мир.

Теперь, когда Шана была окружена заботой и комфортом, можно было проверить электронную почту и посвятить пару часов работе.

Чак скользнул за стол и запустил свой ноутбук, наблюдая за Шаной краем глаза.

Шана отложила книгу.

– Над чем ты работаешь?

– Отправляю документы, чтобы у меня было больше свободного времени для тебя.

– Я не беспомощна. И моя мама пробудет здесь неделю. – Она склонила голову набок. – Ты один из тех парней, кото-

рые терпеть не могут свою тещу?

Чак тщательно обдумал свои слова, прежде чем высказаться. Ему так и не удалось установить теплые отношения с матерью Шаны, Луизой. Она не доверяла мужчинам, жизнь сделала ее слишком осторожной.

– Около четырех лет назад твоя мать устроилась на работу в Калифорнии. – Луиза была гражданской медсестрой на военном объекте. – Она нечасто приезжала сюда, как правило, ты навещала ее.

– Хм... – Шана, казалось, переваривала информацию, оглядывая кабинет. Ее взгляд задержался на ноутбуке и стопке бумаг. – Прости, что из-за меня ты не можешь пойти в офис.

Эти слова были словно удар в солнечное сплетение. У них было столько споров из-за того, что он трудоголик...

А работать ему приходилось много. Очень много. Чака изначально готовили к тому, что он возглавит компанию после того, как родители выйдут на пенсию. Но все вышло не так, как они задумали, – отец скоропостижно скончался, не успев завершить дела, мать с трудом пережила его уход и вынуждена была оставить работу. Только недавно она ожила, так как влюбилась в своего конкурента по бизнесу. Было принято решение объединить две компании, однако процесс затянулся.

Сейчас было не лучшее время для отпуска, но у Чака не было выбора. Сейчас он нужен жене, ему нужно вернуть ее.

От этого зависело будущее их семьи.

Чак почувствовал на себе взгляд жены и поднял глаза.

Шана закрыла книгу, потянулась за кружкой и сделала глоток.

– Что происходит?

– Почему ты спрашиваешь? – Чак смотрел прямо на нее.

Шана поставила кружку на столик, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

– Ты выглядишь обеспокоенным. Я знаю, тебе, должно быть, еще более неловко, чем мне.

Чак покачал головой.

– Что заставляет тебя так говорить? Ведь это ты потеряла пять лет своей жизни.

– Не представляю, если бы мой супруг не помнил меня. Я знаю, что это больно, и мне очень жаль.

Шана крепче обхватила колени, не сводя с него глаз. Связь, установившаяся между ними, крепла и становилась сильнее, как пламя, ярко вспыхнувшее в камине.

– Не стоит беспокоиться об этом. Все, что тебе нужно, – отдых и спокойствие.

– Тогда почему ты так взволнован? Не нужно быть частным детективом, чтобы понять, как сильно ты напряжен.

Чак откинулся на спинку кресла.

– Трудности на работе. Мы некоторое время боролись с утечкой данных, – сказал он, решив поделиться с женой.

– В компании завелся крот?

Шана встала с дивана, пересекла кабинет, подошла к камину и взяла с мраморной полки фотографию в тяжелой хрустальной рамке. На ней они были запечатлены вдвоем во время путешествия на снегоходах от Анкориджа до полярного круга. Этой поездкой Чак пытался подбодрить ее после неудачной попытки ЭКО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.